

ИСАБЕК АШИМОВ

**Трансгрессия НФ-нарратива
в НФ-философию**

СБОРНИК ФАКУЛЬТАТИВНЫХ
ЛЕКЦИЙ

Исабек Ашимов
Трансгрессия НФ-нарратива
в НФ-философию. Сборник
факультативных лекций

<https://litres.ru/73872911>

ISBN 9785006985087

Аннотация

Книга посвящена раскрытию познавательного и мировоззренческого потенциала «НФ-философии» — синтетической формы познания, объединяющей рациональный анализ и художественное воображение. Часть текста была ранее опубликована в трилогии «НФ-философия» на уникальной опытно-экспериментальной площадке для осмысления глобальных вызовов современности. Анализируются методы «прогноза-предостережения», проблемы сращения человека с машиной и роль научной популяризации в формировании современной картины мира.

Содержание

Предисловие автора	5
Расширенный модуль лекции-монолога №1	7
Тема: Фантастика как мировоззренческая парафилософия	8
Расширенный модуль лекции-монолога №2	34
Тема: Граница реального и воображаемого: Гносеология научной фантастики	35
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Трансгрессия
НФ-нарратива в
НФ-философию
Сборник
факультативных лекций**

Исабек Ашимов

© Исабек Ашимов, 2026

ISBN 978-5-0069-8508-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

В эпоху стремительного технологического прогресса и гуманитарного кризиса вопросы трансформации мировоззрения приобретают особую остроту. Традиционные формы познания зачастую не успевают за темпами цифровизации и биологической трансформации человека. Целью факультативного курса лекции является обоснование статуса «НФ-философии» как моста между строгой наукой и свободным полетом фантазии через оценку познавательного потенциала научной фантастики. Основные положения «НФ-философии» изложены в 3-х томнике «НФ-философия» (2024).

Ключевыми аспектами лекций являются: Во-первых, методологический синтез — соединение преимуществ рациональной философии (логика, аргументация) и литературной философии (образность, эмоциональное воздействие) для создания цельной картины мира. Во-вторых, прогностическая функция — рассмотрение научной фантастики как инструмента «технологической предосторожности», позволяющего моделировать последствия научных открытий до их воплощения в реальности. В-третьих, антропологический вызов — исследование проблемы «Человек — Машина», анализ рисков утраты контроля над разумом и трансформации телесности в условиях развития кибернетики. В-четвертых, популяризация и просвещение — разработка стратегии

перевода сложных научных истин на язык образов, доступных массовому сознанию, для повышения общего уровня научно-мировоззренческой культуры.

Данный факультативный курс лекций по философии подготовлен в рамках деятельности Виртуального Института Человека и представлен в формате онлайн-лекций. В целом, факультативный курс лекций «на выбор» — это для тех, кому хочется знать больше, это и своеобразный призыв к «пробуждению и прозрению», попытка использовать потенциал мечты и фантазирования для осознанного проектирования нашего общего завтра.

Расширенный модуль лекции-монолога №1

Тема: Фантастика как мировоззренческая парафилософия

Цель: Раскрыть познавательный, мировоззренческий и методологический потенциал научной фантастики; обосновать статус «НФ-философии» как синтетической формы философствования, соединяющей рациональный анализ и художественное воображение; показать ее значение в условиях биотехнологизации, цифровизации и кризиса гуманитарных оснований цивилизации.

Контент: Фантастику всегда рассматривали как эффективное средство формирования, развития и трансформации мировоззрения людей, как целостного взгляда их на мир и свое место в нем. Причем, это касается всех форм мировоззрения: во-первых, мифологического (совмещение как фантастического, так и реалистического восприятия действительности); во-вторых, религиозного (вера в наличие сверхъестественных сил, влияющих на жизнь человека и окружающий мир); в-третьих, философского (системное, рациональное, смыслопостигающее познание).

Если говорить об истоках и динамике развития фантастики, то она зародилась в мифологической картине мира, где «фантастическое» еще не выделялось отдельно и не счи-

талось таковым, а служило для описания мироустройства. Со временем на смену мифологической картине мира пришла религиозная, уже проводившая четкое разделение между «реальным» и «фантастическим», и где последнее уже приобретало литературные функции и роли. Затем на смену религиозного мировоззрения пришла научная картина мира и научная фантастика, которая сближает реальный и воображаемый миры. Теперь вот наступило время «НФ-философии», когда с помощью философского осмысления действительности стало возможным системное и рациональное объяснение мира прошлого, настоящего и будущего во взаимосвязи.

Следует подчеркнуть, что в эпоху гуманитарного кризиса вопросы формирования, развития и трансформации мировоззрения человека приобрели особую остроту и жизненность. В такой ситуации писатели-фантасты оказались не просто свидетелями мировоззренческого изменения человека, но и оказались вовлеченными в процесс «последнего вопрошания» о нем, представляя в своем творчестве сопряжение часто разновременных образов и разноаспектных мировоззренческих смыслов.

Следует отметить, что нынешний человек в «художественной философии» современной фантастики представит, как отмечает В.А.Бачинин «актером на мировом карнавале культур, религий, идеологий, философских идей». На сегодня очевидны изменения и разрыв мировоззренче-

ской идентичности человека модерна и человека постмодерна, когда современный человек каждый раз «обнаруживается» в новых и более условных контекстах трансформации самого общества, его мировоззренческих установок. При этом нужно признать, что непосредственно в художественных текстах философскому осмыслению фантастических феноменов внимания уделялось недостаточно. Причем, обусловлено это, в первую очередь, тем, что понятие фантастики нельзя просто вывести из некоей совокупности ее литературного выражения или же рассматривать в качестве своеобразного текста.

В этом аспекте, фантастика — это, во-первых, не столько определенный жанр литературы, сколько инструмент, с помощью которого писатели и философы пытаются открыть новый смысл в ней, а, во-вторых, это своеобразная опытно-экспериментальная площадка, где при помощи художественно-образных средств фантасты и философы пытаются раскрыть научно-философские проблемы и идеи. В этом аспекте, фантастику всегда признавали в качестве пограничной области практической философии.

Общеизвестно, фантастическое начинается на границе законов природы, и фантастика существует постольку, поскольку она выходит за эти границы и не прикрывается логической мотивацией и объяснением. По Б. Михайловскому, фантастика — это «ясно ощущаемое художником нарушение естественных форм, причинных связей, закономер-

ностей природы». Представление о нарушении закономерностей есть только одна из возможных, хотя и очень характерных для нашего времени интерпретаций новых, вымышленных событий, явлений, фактов. В этом аспекте, поскольку фантастическое в равной степени возникает при нарушении законов естественных наук, то есть описывает парадоксальные события, не соответствующие представлениям людей, есть основания говорить, что при определении фантастического можно вообще обойтись без категории «закономерность».

Тезис о «логической несовместимости» фантастических и реальных представлений подчеркивает их различие на уровне категорий, а тезис о том, что фантастика возникает «на основе реальных представлений», указывает на то, что фантастика самоопределяется, только постоянно отталкиваясь от того, что она считает реальной действительностью. Нужно отметить, что введение в дискурс какого-либо фантастического факта одновременно оборачивается введением представления о целом множестве аналогичных и не существующих фактов. Таким образом, граница между художественным реализмом и фантастикой пролегает примерно там, где лежит граница между единичными фактами и объединяющими их общими категориями.

В настоящее время, о сути и свойствах фантастики говорят следующее: во-первых, фантастика есть особая тематическая направленность литературы и искусства; во-вто-

рых, фантастика — это изображение фактов, не существовавших и не существующих в реальной действительности с точки зрения характерных для той или иной эпохи представлений о последней; в-третьих, с точки зрения характерных для данной эпохи представлений о реальной действительности фантастические факты не существуют не только как конкретные события, но и как типы фактов, поскольку существование любых подобных фактов противоречит известным свойствам и закономерностям бытия; в-четвертых, фантастическими называют факты, намеренно придуманные фантастом, как противоречащие свойствам реальной действительности; в-пятых, фантастическими называют факты, противоречащие не любым свойствам реальности, а только тем, которые более или менее известны массовому сознанию; в-шестых, факты не перестают быть фантастическими, если их появление в литературном произведении объясняется непроверенными научными гипотезами либо прогнозами.

Нужно отметить, что при любом раскладе, для фантастики, как литературы, в принципе очень характерна и важна философская подоплека. Как известно, существуют три главных приема, на которых держится фантастика, как литературная философия. Первый. Трансгрессия — это, во-первых, переход непроходимых границ между возможным и невозможным; во-вторых, выход за пределы условностей, культурный и социальных норм; в-третьих, нарушение повествовательных и познавательных стереотипов перехода

границы между реальностью и вымыслом, фантазией и сновидением, разрушение рода табу. Второй. Конвергенция — это, во-первых, сближение, совпадение, уподобление явлений друг другу; во-вторых, формальное внешнее сходство жанров, типов литературы. Третий. Диффузия. — это, во-первых, проникновение одного вещества в другое при их соприкосновении; во-вторых, взаимное проникновение разных жанров в одном литературном тексте.

Вышеуказанные приемы важны в феноменологической философии, в которой различают три разновидности воображения: во-первых, воспоминание; во-вторых, предвосхищение; в-третьих, чистая фантазия. В смысле содержания философской подоплеки, тема будущего является для фантастики особенной и чрезвычайно важной, представляя собой целый пласт литературы — новаторских в смысле философского воображения о грядущем. При этом неважно, что пророчество ученых, фантастов и философов не всегда сбываются, или, во всяком случае, сбываются не в точности, но важно другое, а именно использование метода мышления от обратного, называемого «негативной диалектикой», связанной с феноменами «ничто», «отрицание».

Такая мысль нашла свое высшее воплощение в теории Ф. Гегеля: «Всякая вещь есть синтез Бытия и Ничто», как воплощение идеи отрицания настоящего и проблематичности будущего. В этом аспекте, в фантастике наблюдается определенная симметрия: «не существование будущего обнару-

живается в качестве такого же фундаментального свойства реальности, что и неизменность прошлого, а потому прогноз будущего всегда альтернативен». Однако, какой бы не был прогноз, он очень важен, ибо, его используют, прежде всего, как аргумент, призванный скорректировать направление движения человеческого сообщества.

Социолог Ульрих Бек пишет: «Прошлое теряет способность определять настоящее. На его место выдвигается будущее, как нечто несуществующее, как конструкт, фикция в качестве причины современных переживаний и поступков». В этом аспекте, сильная сторона научной фантастики и «НФ-философии» — это «прогноз-предостережение», а также «технологическая предосторожность» как социально-философские парадигмы нового времени.

В целом, фантастика является мировоззренческой парафилософией: во-первых, в качестве продукта воображения она противостоит некоторой реальности, как несуществующее — существующему; во-вторых, в качестве комплекса произведений искусства, «изображающих-представляющих-описывающих» воображаемое противостоит реализму. В этом аспекте, фантастика выступает в качестве критического оператора некоторых оснований разнообразия мира. По сути, она универсальна в аспекте областей приложения, причем потенциально порождающих отдельные направления, в том числе «НФ-философию» («SF-Philosophy»).

Как говорилось выше, фантастика, как феномен нарушает

любые установленные наукой или здравым смыслом закономерности и в этом аспекте, условное сознание фантаста является довольно парадоксальным. С одной стороны, фантаст обладает бурным фантастическим воображением, а с другой стороны, он всегда помнит, какова реальность, и здесь предполагаемая фантастом картина реальности оказывается соответствующей обыденному здравому смыслу.

Этому парадоксу не стоит удивляться, так как эстетическая задача фантастики как раз и состоит в том, чтобы нарушать границы обыденного кругозора, привнося в него чуждые элементы и, тем самым, удивляя и «эпатируя» обладающего этим обыденным кругозором массового читателя. В этом аспекте, Роже Кайуа считает фантастическое как нарушающее не «законы природы», а «закономерности повседневности».

С учетом того, что данный раздел является, по сути, вводным, хотелось бы пояснить следующее. Безусловно, фантастика тесно связана с творческим мышлением. Нужно понимание того, что творчество фантаста, как впрочем ученого и философа, регулируется не только логическим мышлением, но и во многом абстрактным мышлением, а также психологическими методами и закономерностями. Вот почему во избежание шаблонного мышления творческие люди — писатели, ученые, философы «кочуют» из научного в мифологический, а оттуда в фантастический и далее в философский.

Согласно современной психологии науки и творчества,

«рабочим языком» творческого мышления являются образы, метафоры, аналогии, которые способствуют всесторонности охвата познавательного мышления. На наш взгляд, именно вышеуказанный склад ума ученых, вероятно, легло в основу известного выражения: «Ученый должен умереть в писателе». Из истории известно, что писателем, в особенности писателем-фантастом, завершали жизнь многие ученые самых разных специальностей.

Как известно, налет литературности присущ почти любому философскому произведению — независимо от способа философствования. С другой стороны, общепонятно и то, что любой философ заботится о языке своих сочинений: во-первых, старается подобрать наиболее подходящие, наиболее точные слова, будь то научный или художественный, для полновесной передачи своих мыслей; во-вторых, стремиться сделать свой текст как можно более понятным, используя литературные метафоры и образы; в-третьих, использует риторические украшения, подчерпнутые из литературоведения, для удержания внимания своего читателя и продвижения в его умах и сердцах новые знания о действительности.

На сегодня сформулированы основные черты, характерные для произведений рациональных и литературных философов. Вначале о рациональной философии. Во-первых, в текстах рациональных философов всегда можно найти мысль, которую формулирует либо сам философ, либо открывает ее читатель. Почти каждое предложение автора бы-

вает осмысленными, а текст выражает последовательность взаимосвязанных мыслей. Во-вторых, рациональный философ старается аргументировать мысль, ссылаясь на логику и данных наук. При этом обоснования опираются на философские категории и понятия, на рациональные суждения, выводя из них следствия, то есть, по-новому освещая какие-то философские проблемы. В-третьих, рациональный философ не внушает свои идеи читателю, а посредством рациональной аргументации убеждает читателя согласиться с ними.

В этом аспекте, философ строит свою работу на критике предшественников и современников, так как, он не застрахован от неясности используемых терминов, внутренней противоречивости суждений, логической непоследовательности текста, слабой доказательности и пр. Литературная же философия отличается от рациональной философии по следующим критериям. Во-первых, если для рационального философа главное — это мысль, последовательность мыслей, а язык, слово важны для него лишь постольку, поскольку дают возможность выразить мысль, то для литературного философа главным становится сам язык, языковая форма текста, создаваемый художественный образ, а мысль оказывается чем-то второстепенным, порой даже несущественным.

Если рациональный философ сначала формулирует мысль, аргументирует ее, а потом излагает на бумаге, то литературный философ облекает предложения в слова, постепенно и образно просвечивая какую-то мысль. Во-вто-

рых, в текстах литературной философии вместо рациональной аргументации используется внушение. То есть философ старается передать читателю какое-то чувство, на основании которого у читателя постепенно формулируется соответствующая мысль. Именно этим объясняется широкое использование художественных образов, метафор, сравнений и прочих литературно-художественных приемов. В-третьих, невозможность построить критическую дискуссию с автором, так как его мысль еще только зарождается в виде неясной догадки, и еще не обрела четкой языковой формы. В этом случае вполне объяснимо то, что формируется «мозаичный» текст с некоей бессвязностью, расплывчатостью и умозрительностью.

Согласно нашей концепции, о чем будет сказано ниже, «НФ-философия» представляет собой компромиссный стиль, так как сочетает преимущества как рациональной, так и литературной философии. При ее использовании исчезает та самая «мозаичность», текст становится осмысленным, связанным, полноценным.

Если аналитическую философию можно считать типичным образцом рационального стиля философствования, то литературная философия, как правило, бывает представленной текстами философов экзистенциалистской ориентации. В их сосуществовании выражается двойственная природа самой философии, которая колеблется между наукой и литературой и стремится пробуждать как мысль, так и чув-

ство, пользуется как понятием, так и художественным образом. Это в полной мере касается и специфики жанра «НФ-философии». Оптимальным является компромиссный вариант — художественно-философское сочинение, представляющий некий сплав рациональной и литературной философии.

Следует отметить, что стиль трилогии, а в особенности формирование из них тематических серий произведений обеспечивают ту самую эпическую полноту изображения, допуская расширение его за рамки отдельных произведений, написанных в разном стиле. Хотя серии и нарушают стройность и чёткость трёхчленного строения художественно-философского сочинения, однако в итоге вырисовывается более цельная картина исследуемой проблемы. На наш взгляд, такой стиль и подход, несмотря на «мозаичность» все же более целесообразно во имя раскрутки интересных мировоззренческих проблем.

Очевидно, писатель, работающий в области научной фантастики, должен хорошо ориентироваться как в фундаментальных принципах, так и в последних достижениях естественных и технических наук. А нужна ли писателю-фантасту философия, и если нужна, то для чего и какая именно? Такими вопросами я задавался вначале формирования концепции «НФ-философия».

На наш взгляд, философия необходима, так как рассматривает гораздо более широкую картину, скажем в эпоху все-

общей технологизации, всю триаду «Человек — Машина — Вселенная», провоцируя в людях создавая Мечты о технологическом будущем. Между тем, нужно отметить, что научно-фантастические произведения могут быть научно некорректными и технически безграмотными, если они пишутся писателями, не сведущими в вопросах науки, техники и технологий. А если за написание таких романов принимается философ от той или иной науки, то бывает обеспеченной не только правдоподобность технологий, но и системностью смыслов. Более того, философия и наука позволяет фантасту строить правдоподобные догадки и заполнять «белые пятна» мироздания.

Нужно признать, что научная фантазия, по своей сути, не может претендовать на слишком долгую актуальность, ибо, научно-фантастическое произведение пишется с определенной конкретной целью, после достижения которой оно неизбежно устаревает, и начинает представлять лишь исторический интерес. Так, что моих романов ждет такая же участь, что постигло многих уникальных фантастических сочинений. Причем, уже в ближайшем завтра. В этом аспекте, всегда правы те, кто придерживается правила фантастики «Не бойтесь мечтаний — они иногда сбываются!». Однако, в отношении «НФ-философии» такая угроза быстрого забвения не случится, так как представляет собой результат философского «анализ-синтеза» с выводным смыслом даже на очень далекую перспективу.

Нужно признать, что в авангарде развития научной фантастики всегда стояли будут стоят ученые. Среди них выделяется особая когорта — научные популяризаторы («научпопы»). Надо полагать, что необходима исключительно хорошая пропаганда науки, техники и новых технологий в целях системного повышения научно-мировоззренческой культуры индивида и человеческого сообщества. Причем, с учетом всеобщей информатизации, цифровизации, кибернетизации, когда выигрышным становится диалоговые онлайн-пространства и онлайн-площадки. Это своеобразные онлайн-пространства и диалоговые поля для освещения многих научно-философских, научно-популярных проблем.

Одной из таких жгучих проблем современности является проблема самого человека — феномена «Человек». Когда в мире идет процесс явной дегуманизации, нивелировки сущности человека, акцентуация его «несовершенной природы», необходимости генеральной трансформации его биологической природы, считаю, что такой подход оправданным.

Как известно, среди гуманитариев существует традиция рассматривать технику и технологии в качестве неких «дегуманизирующих» сил. Чтобы техника и технологии не были таковыми, необходима цивилизация с другой системой смыслов и ценностей, с другой научно-мировоззренческой культурой. Между тем, это примечательный субъективный пласт, позволяющий: во-первых, читателям познакомиться

с авторской системой взглядов; во-вторых, узнать мнения научного сообщества по самым неожиданным и животрепещущим вопросам; в-третьих, приобщиться не только к ученым, наделенным обширными познаниями, но и к думающим, чувствующим, ироничным собеседникам.

Перечисленные варианты, безусловно, должны вдохновить читателей на собственные раздумья и исследования. В указанном аспекте, потенциал и ресурсы «НФ-философии», основанные на осмыслении контента реальных научно-фантастических сочинениях, всегда высоки, целесообразны и востребованы

На наш взгляд, научная фантастика является той самой прикладной философией и если утилитарной задачей первой является создание Мечты, то второй — осмысление взлета мыслей при попытках реализации той самой Мечты. В этом плане, на мой взгляд, научная фантастика должна быть правдоподобной хотя бы на первый взгляд, иначе они не захватят читателя и не выполнят свою главную функцию — не зажгут у него Мечту. В этом отношении, человек пишущий научную фантастику должен обязательно хорошо ориентироваться в научных и технических вопросах. Отсюда следует, что, именно ученые, безусловно, являются обладателями творческого дара, как по выдвигению фантастических идей, концепций, гипотез и теорий, так и по популяризации достижений наук, техники и технологии. В особенности, если они являются носителями идеи, вдохновителями созидания со-

ответствующих технологий.

На наш взгляд, именно научная фантастика подстегивает науку, приводит ученых к раскованности воображения, открывает в них новые горизонты для мыслей, стимулирует их научный бросок в неведомое и невозможное. Воображая все это в своей голове, естественно, боялся сам впасть в круг вымыслов по Канту. Через персонажей своих сочинений хотел довести до читателей, прежде всего, тревожную мысль — в мире происходит нечто невиданное.

Во многих произведениях предметом мышления были и есть проблема неизбежного сращения — «Человек плюс Машина». И какое сращение! Рисующиеся их воображению «киборги» и «аватары» лишь в принципе напоминают симбиоз «Мозг плюс Машины». Все клонится к снятию контроля человеческого разума, обход без взлома критическое начало самого человека разумного, проникновение в тайны чужого сознания, перенос собственной индивидуальности в постороннее тело, либо на какой-то искусственный носитель. «Что-то должно произойти — вражда, ненависть, упадок, гибель» — это не только мои мысли об эсхатологичности нынешнего мира. Вероятно, многие хотели бы выразить мысль: — «Люди! Опомнитесь! Для чего вы явились в этот мир? Вы же дитя природы!».

В.М.Чумаков ввел различие «формальной» и «содержательной» фантастики. При этом содержательная фантастика — это фантастика в чистом виде, то есть в узком смыс-

ле, тогда как в случаях формальной фантастики, речь идет о «фантастике в широком смысле», то есть с периферийными экземплярами обозначаемого этим понятием класса феноменов. В моих научно-фантастических романах «Пересотворить человека», «Биовзлом», «Фиаско», «Клон дервиша», «Биокомпьютер», «Аватар» содержатся именно фантастические мотивы — новые технологические разработки, созданные учеными в научных лабораториях. Они представляют тот самый «содержательный элемент необычайного», который становится в эстетической системе центральным, окрашивая весь текст в фантастические тона.

Итак, фантастика — есть «некая деформация действительности». По определению психолога Лады Коршуновой, «воображение — это образы предметов, которые ранее, полностью или частично не воспринимались человеком». Полагаю, что единичные фантастические «предметы» и события, порожденные художественным вымыслом, не имеют места в реальности, но так как не противоречат общим закономерностям бытия, а следовательно, возможны в рамках этих закономерностей.

Следует отметить, что зачастую фантасты не от науки, недостаточно разбирающейся в тонкостях науки, техники и технологии, когда пишут об этих вещах, допускают различные просчеты. В этом аспекте, фантастика может быть антинаучной, но лишь в том случае, если таков замысел автора, а не демонстрация его некомпетентности. Фантастический

элемент, даже когда он является в сюжете вспомогательным средством, всегда так или иначе ценен и для автора, и для находящегося с ним в тайном стоворе читателя. В данном случае, речь идет о том, что в предисловии в книгах обязательно следует давать необходимые пояснения для читателя.

Для фантастической литературы, вообще, нормально затрагивать самые сложные философские, мировоззренческие и научные вопросы. Фантастика должна содержать в себе: во-первых, что-то необычное или необыкновенное; во-вторых, что-то таинственное или неизведанное; в-третьих, что-то хорошее и светлое; в-четвертых, что-то значительное и полное смысла. А вот задачей философии является принуждение человека «проснуться, прозреть и оглянуться вокруг». В этом аспекте, согласно концепции Михаила Эпштейна, «интересность» в философии измеряется дробью, в числителе которой достоверность доказательства, а в знаменателе — вероятность доказуемого.

Понятно, что фантастика создает для читателя особый мир, особую систему образов, взаимосвязей между ними, а также сопутствующих этим образам знаний и представлений. Однако, у философа есть соответствующее «проблемное поле» в котором должна наличествовать сущностные противоречия в фантастических фактах, событиях, мыслях и идеях, которых на основе философского осмысления необходимо связать в соответствующую концепцию, систему, мезотеорию, теорию, позволяющих вообразить мир данного

произведения целостным. Если миры, придуманные фантастами в рамках своего пространства, претендуют на самодостаточность и независимость, то миры, осмысленные философами придаются мирам абстракций статусов самодостаточных миров.

Фантастика, как парафилософия очень часто затрагивает такие основные философские категории, как добро и зло, жизнь и смерть, тело и душа. Философ Сенека говорил: «Сетовать по поводу смерти — это все равно, что сетовать по поводу того, что ты человек. Если ты не человек, то ты будешь уже не ты!». Речь идет о рассмотрении вышеуказанных основных философских категорий с позиции теории души и тела.

Философ М. Хайдеггер выделяет «собственное» бытие человека и его «фактичность». Между прочим, это весьма основательные взгляды, в соответствии с которым мотивом может быть выделения души в качестве отдельной субстанции, позволяющего мечтать об изменении своей телесности при сохранении субъективной идентичности, а также в мечтах и воображениях присутствовать и в других мирах в рамках своей «фактичности».

По мнению Сантояны, человек прочно привязан к единственной реальности, прежде всего, благодаря своей телесности. Между тем, отход духа от тела должен способствовать увеличению числа воспринимаемых реальностей. Вот и в серии «НФ-философии» рассматриваются философия

условного или даже прямого «разделения» тела и сознания. В результате, удалось получить невероятную картину и пространство мыслимого.

Как известно, если в мышлении присутствует понятие фантастического — значит данный тип мышления существует на основе мировоззрения, в рамках которого возможно различие «фантастико-иллюзорного» и «реалистично-правдоподобного». Понятие фантастики не нейтрально по отношению к картине мира, его употребление логически требует признания ряда мировоззренческих предпосылок, часть которых автор и пытается реконструировать с помощью анализа фантастического.

Любое уточнение понятия фантастического в качестве следствия требует и уточнения этих мировоззренческих предпосылок. Поэтому любой фантастический образ или сюжет может стать поводом для разговора о важных тенденциях в философии и культуры в целом, причем разговор этот становится тем более интересным, что в наше поле зрения попадают не только определенные взгляды на окружающий мир, но и некие методы намеренной трансформации этих взглядов, к тому же, причины и побудительные мотивы того, почему представления о мире подвергаются искажению. Между тем, так или иначе речь идет о познавательной миссии нового жанра «НФ-философии».

Из истории фантастики известно, что мифология является протофантастикой, а фантастика — протофилософией,

как считает Борхес. Вообще наука по отношению к современному мифу выполняет двойную роль: с одной стороны, она помогает его рождению, участвует в его создании, а с другой — сразу же, не успел миф по-настоящему родиться, начинает работу по его разрушению. Первый процесс называется конструированием мифа, а второй — деконструкцией мифа.

Есть и другой процесс, имя которого «развенчание мифа». Между тем, фантастика как вид искусства не только помогает рождению мифов нашего времени, но и получает из мифов огромный запас образов, ибо те образные модели действительности, которые рождаются в мифах, используются затем в искусстве, начинают жить в нем в качестве фантастики. «НФ-философия» является одной из самых технологичных, по сути, способов развенчания многих мифов.

По мнению ряда исследователей, связь фантастики с мифологическим сознанием более тесная, чем с наукой. В связи со сказанным, в настоящее время проблема накопления, сохранения и передачи знания приобретает особое значение. Нужно понимание того, что абсолютное большинство литературных и научных ценностей, накопленных веками лежат не востребованными на полках библиотек. Мы почему-то убеждены в том, что мифы, как разновидность фантастической литературы, изданные сотни и тысячу лет тому назад уже ни чему не научат, устарели. Как воспользоваться идейным багажом такого рода исторического прошлого? Как

включить эти знания в ткань современной научно-мировоззренческой культуры?

На наш взгляд, необходимо использовать такие арсеналы науки, как деконструкция мифа, и на этой основе конструировать неомиф с целью установление нового смысла, с последующей научной верификацией мифов и неомифов на базе символизации, онтологизации, концептуализации, философизации, сакрализации и пр. В результате, старые знания, вынутые из архива забвения получают право жизни, как мысли, порожденные сегодня на их основе. Самое главное мысли прошлого будут оставаться в золотом фонде, сделавшись достоянием современников.

Нужно признать, что мифы может быть оттого и притягательны для фантастов, что как раз двуединым методом научной фантастики можно выявить вплавленные в них крупинцы истины. К тому, чего нельзя обосновать логически, писатель может с успехом применять художественный домысел. В этом аспекте, литература более ярко и широко представляет любую истину, положив под увеличительное стекло фантастики старые мифы и неомифы, применив при этом технологии научной верификации их.

И.А.Ефремов пишет: «требуют раскрыть великую загадку времени, вступить в борьбу с ним! Победа над пространством и есть победа над временем». Квинтэссенцией его мнений и суждений является мысль о том, что нужно искать «пути возвращения дальнего пространства и времени, без

всякого там искривления «нуль-пространства» и «нуль-времени».

Разумеется, вопрос о приоритете в тех областях человеческой деятельности, которые связаны с мифологией необычайно сложен и запутан, а потому «докопаться» до истоков того или иного мифа почти невозможно. Другое дело, когда миф сконструирован искусственно, как вымысел, как фантастика, то у него есть автор, есть своя история замысла и формирования современного мифа. В трудностях распознавания первотолчка, раскрывается как раз та загадка, которая волновала Шеллинга — «целые поколения работает над созданием нового мифа, как если бы это была единая творческая индивидуальность».

Важно отметить, что миф имеет вероятностный характер и именно это облегчает переход от мифа к неомифу, а отсюда к фантастике, и наоборот. Причем, не так просто разобраться где кончается миф и начинается фантастика, а потому такая трансформация мифа и его соотношение с фантастикой требует более тщательного и глубокого рассмотрения соотношения эстетического и познавательно-информационного начал в современном мифе. Важно отметить и проблему синтетической или даже синкретической природы современного мифа.

Нужно отметить, что в свое время И.А.Ефремов не считал фантастику «преднаукой», открывающей науке новые пути. Ученые обращаются к фантастике, когда их воображе-

ние тревожит яркая идея, а «доказательных аргументов», ее подтверждающих, не существует. Публикуя свои фантастические произведения, они продолжают надеется на то, что когда-либо появятся необходимые доказательства. Жизнь и практика подтверждает, что такие надежды иногда сбываются, а потому в науке важно учитывать предысторию идей, высказанных в научно-фантастических произведениях, а также предысторию пути их в фантастику. В этом плане, прав Л.Е.Этинген, который считает, что фантасты «подхватывают» научные идеи, витающие пока в воздухе».

Размышляя над путями дальнейшей биологической эволюции человека, И.В.Муравьев и В.С.Бойко пишут: «В области отыскания новых возможностей преобразования мира и человека несправедливо жаловаться на отсутствие теорий и гипотез, непосредственно питающих сейчас фантастику». Для «НФ-философии» важно использовать любой фантастический контент. При этом она опирается на такую технологию, как дефантастизацию. Как известно, разновидностью дефантастизации является прием антитайны. В этом аспекте, широкое поле научного интереса и поиска у многих авторов попала мифология, как жанр, охватывающий жизнь наиболее широко и целостно.

Нужно отметить, что именно в этом жанре всегда буксует «грань возможного». Сегодня уже не подлежит сомнению существования таких явлений, как античастица, антивещество, антимир. Но этот «рывок за грань» сопряжен с необхо-

димостью выработки новых научно-художественных принципов. Незыблемым остается то, что фантасты, пришедшие в фантастику и философию из науки, умеют вносить в фантастические сюжеты психологическую правду научного мышления и широчайший научно-мировоззренческий кругозор. По-видимому, корни «анти» следует искать не в злонамеренности фантастов, а в парадоксе самой науки.

Рассуждая вокруг «анти» фантасты идут впереди ученых, которые обязаны сопоставить «анти», а потом найти и утвердить новую истину. Для фантастики характерно такие перевороты и турбулентного состояния. В пафосе отрицания научных законов и принципов, фантастика замахивается на перезагрузку новых законов и принципов. Между тем, это новация — новация перехода от экстраполяции конкретных истин к своеобразной экстраполяции дальних прогнозов, исходя из принципа «А почему бы нет...? В фантастических сюжетах мы видим наглядное изображение: во-первых, определенных методологий мышления; во-вторых, определенных тенденций в развитии цивилизации; в-третьих, типичных психологических комплексов.

Резюме: Фантастика исторически эволюционировала от мифа к научной форме и сегодня требует философского сопровождения. Она выполняет функции формирования мировоззрения, прогноза и критики оснований реальности. «НФ-философия» представляет собой синтез рационального анализа и художественного воображения. В усло-

виях технологической трансформации человека она становится инструментом философской верификации будущего. Центральная проблема — границы допустимой трансформации природы человека и статуса сознания. Научная фантастика в данной перспективе предстает как научная и мировоззренческая парафилософия, а «НФ-философия» — как ее теоретически оформленная и концептуально обоснованная форма.

Расширенный модуль лекции-монолога №2

Тема: Граница реального и воображаемого: Гносеология научной фантастики

Цель: Показать, что научная фантастика представляет собой особую форму научной парафилософии, соединяющую художественное воображение с философским «анализ-синтезом» научных и технологических тенденций; обосновать ее методологическую роль в осмыслении последствий биотехнологизации, цифровизации и виртуализации человека; раскрыть потенциал «НФ-философии» как инструмента прогноза и философского предостережения в условиях ускоренной трансформации цивилизации.

Контент: Научную фантастику нужно рассматривать в качестве научной парафилософии. Если мировоззренческая парафилософия поддерживает в философии ее мировоззренческий статус, тогда как научная парафилософия придаст философии системность и рационализированность. Благодаря им в философии сохраняется равновесие и соразмерность. В фантастических произведениях, конечно, можно встретить достаточно «новаторские» философские идеи, но нет того самого полновесного философского «анализ-синтеза».

Как наука, так и фантастика требуют глубокого погруже-

ния человека. Наверное, в фантастике могли бы появляться полновесные философские идеи, если бы учёные-философы имели время писать романы и повести. Но такого времени у них нет, и, кроме того, хороший учёный-философ не обязательно обладает даром излагать мысли в виде качественных литературных произведений. Это талант другого рода. А у писателей тоже нет времени серьезно заниматься наукой и философией, в особенности.

Чтобы выдвинуть научную идею или гипотезу, содержащую философский «анализ-синтез», а речь идет о «НФ-философии», нужно не просто иметь соответствующий талант, но как минимум умение и настойчивость глубоко копать в той или иной области познания. Между тем, современная наука как никогда стала чрезвычайно специализированной и узкопрофильной, а потому, чтобы понимать, какие процессы происходят на самых передних её рубежах, простой эрудиции и лишь богатого воображения недостаточно, а нужны знания, доступные лишь специалистам.

Нужно отметить, что роль научной фантастики как инструмента развития воображения о будущем, в особенности в области прогнозов развития человека и общества, о новых технологиях и их измерениях и оценках «прогноз-предостережений», трудно переоценить. Сейчас, именно в этой области немало «прогностических» произведений, которых следует осмыслить на уровне философской аргументации. В этом плане, именно ученые, обладающие богатым вооб-

ражением и высоким уровнем научного образования, могут: во-первых, осмыслить многое путем «анализ-синтеза»; во-вторых, сформулировать аргументы в аспекте «прогнозы-предостережения» возможного развития человечества; в-третьих, показать модели возможных последствий использования тех или иных изобретений, технологий, научных открытий, социально-политических решений.

Органичное встраивание любых подобных прогнозов в хороший литературный сюжет, чтобы дойти до широкой публики — вот главная цель научной фантастики, как научно-мировоззренческой парафилософии. И чем чаще писатели-фантасты и ученые-философы будут рассматривать актуальные вопросы развития науки, технологии, мировоззрения, строить модели возможных их последствий как для отдельных личностей, так и для человечества в целом, тем больше вероятность, что человеческое общество найдет пути решения стоящих перед ними задач.

Мы сейчас переживаем время невероятного всплеска научно-технологических достижений, которых, во-первых, нужно обнародовать и разъяснить, а во-вторых, осмыслить и понять. Нужна была попытка научной фантастики, с одной стороны, и философии — с другой, сделать шаги в сторону того, чтобы, во-первых, в опережающем темпе осмыслить новое, а во-вторых, внести в умы людей новое, поистине революционные «представления» и «понятия» об относительности.

Зачастую даже сегодня обычный человек просто психологически не готов понять и принять некоторые научные и научно-технологические парадоксы. А ведь научно-мировоззренческая культура остается конечным мерилom человека. В этой связи, нужно использовать последовательную, кумулятивную, трехфазную технологию познания, лежащую в основе научно-мировоззренческой культуры: во-первых, на популярном уровне; во-вторых, на концептуальном уровне; в-третьих, на философском уровне.

На уровне популяризации науки с помощью научно-фантастических произведений даже самый рядовой человек получит возможность ознакомиться с новым знанием, понять его с помощью условности научно-фантастической идеи и метафоричности материала, то есть на уровне «приключения мысли». На этом этапе к научно-фантастической идее неприменим критерий буквальной научно-технологической правды. Она метафорична, но многозначна, больше напоминающая художественный образ, чем логические понятия. Даже сложные понятия и идеи в силу образности, многовариативности, может натолкнуть такого читателя на самостоятельный поиск новых знаний более высокого уровня.

Нужно понять, что отношение художественной фантазии с наукой и технологиями не укладываются в простую «доводку» научной правды до человека. Фантаст добивается осмысления человеком этой правды через правдоподобие изложения «невозможного» вымысла. Условно-фантастиче-

ский посыл к читателю позволяет фантасту развернуть любую картину реальности и виртуальной реальности. Ему приходится отступать от научной правды и тогда, когда добросовестно пытается угадать будущее открытие, и тогда, когда, как художник обставляет их заведомо условными вымыслами.

Самое интересно то, что эти условные допущения в научной фантастике переходят: во-первых, на уровень реальных проектов; во-вторых, на уровень осмысления и постановки вопросов; в-третьих, на уровень решения философской или социологической проблемы. Ведь условность в научной фантастике не должен быть ниже уровня научного мышления, а в «НФ-философии» — уровня философского осмысления. Если сформулировать объект научной фантастики в самом общем виде, это, прежде всего, взаимодействие НТ-ТП с человеком. Ее художественная система двойственна, так как используются два различных ряда образов: во-первых, конкретный и отвлеченный; во-вторых, эмоциональный и интеллектуальный.

В восприятии научно-фантастической книги есть нечто от чтения научных трудов, так как фантастический домысел не только смысловая, но и интеллектуальная «доводка» научной идеи. Вот почему, научно-фантастические произведения как никогда приблизились к столбовой дорожке новых знаний, новых технологий, сделался как бы беллетристическим бюллетенем новейшей науки и технологий.

Сейчас научная фантастика — это добротная популяризация науки и технологий. В этом отношении, она поучает, развлекает (По Жюль Верну). По сути, и мои научно-фантастические романы, направлены на привлечения читателя на самостоятельную научную работу. А с другой стороны, возможности литературы больше, чем науки в аспекте предвосхищения последствий и возможности знаний, которые подчас неясны даже самому ученому.

Если фантастику пишет ученый, то, несомненно, придается большая строгость научной фантазии, ибо, он знает и обладает необходимой интуицией, правилами экстраполяции и аналогии. Здесь ему помогает его опыт исследователя и большой багаж свободной ассоциации. В научной фантастике та или иная художественная идея реализуется иначе, чем в «бытовой» литературе. Там она раскрывается через конкретный образ героя, здесь же персонаж сам в значительной мере раскрывается через отвлеченную идею. И эта обратная связь приобретает особое значение.

Ученые и фантасты пытаются популяризировать не текущую научно-практическую технологию, а «сверхтехнологию», то есть тенденцию и динамику развития. При этом приходится соединять философское осмысление новых феноменов гуманизма, а также социально-психологические прогнозы с научной фантастикой с его необычными допущениями, когда научно-техническое воображение устремляется за пределы возможного, куда не достигает локатор обос-

нованного предвиденья. Каждый фантаст знает, что срабатывает закон Жюль Верна: «Все, что человек способен представить в своем воображении, другие сумеют претворить в жизнь». Автор писал: «Фантастика пробуждает работу мозга. Затем появляется желание, а за желанием возникла деятельность ума в том направлении».

При этом поэтика фантастического повествования мною не привносилась извне, за счет приключенческой фабулы, а как бы развивалась из самого фантастического допущения. То есть в них присутствуют все важные элементы логики научного воображения, касательно осмысления внутренней связи НТ-ТП с социальной жизнью, психологическими мотивами, с тревогой ожидания будущего механизированной цивилизации.

В этом аспекте, в романах используются: во-первых, сознательные полемические переклички; во-вторых, парадоксы социально-психологического восприятия; в-третьих, философские аллегории. Все они в той или иной степени взаимосвязаны с некоторыми фабульными особенностями либо философскими построениями книг, прежде всего, в том, что новые и сверхновые технологии с позиции предосторожности представляют некую опасность своими последствиями, коих нужно вовремя осмыслить и отворотить.

У многих ученых довлеет так называемый художественно-философский субъективизм. Предостережение и надежда — вот те противоположные полюса, между которыми ко-

леблются мои мысли — гиперболизированные, гротескные, провокационные, светлые и темные, отражающие суть человеческих страстей. Каждая отрасль имеет свой язык — привилегия для посвященных, препятствие для остальных. Отсюда мнимые задачи и часто окольные пути в простых вопросах.

Сейчас время интеграции наук, время трансэпистемических и междисциплинарных наук, время глобального и квантового мышления. Сейчас нужен синтез знаний и наук. Ведь фантасты, сталкиваясь с нечеткостью общей картины вынуждены объединять россыпи «эпизодов из науки», а это чревато нагромождением научного и литературного шлама вокруг действительно актуальных и парадоксальных фантастических идей.

В условиях интеграции знаний и наук, как правило, возникает необходимость постепенного, дозированного приобщения людей к такой идеологии. В этом аспекте использование научной фантастики для философско-психологического памфлета: пересадка головного мозга, роботохирurgia, интерфейс искусственного интеллекта и «мозга в контейнере» является не только целесообразной, но и своевременной. А ведь писатели-фантасты, но не из круга ученых, мало уделяют внимание на познавательные аспекты, часто акцентируя на художественной стороне произведения. Тем не менее, признаюсь в том, что, возможно, иногда довожу читателей до головной боли, описывая детали новых технологий и зло-

употребляя научным лексиконом.

Если писатели-фантасты довольно неразборчиво черпают «научно-техническую» оснастку у всех по не многу, то я, как ученый и философ, детально знаю предмет научного материала. Между тем, речь идет о том, чтобы не допускалась в научно-фантастических произведениях той самой деформированности научно-фантастического элемента. В моих произведениях сюжет не деформируют неприсущие им социальные или психологические категории.

Если многие фантасты ведут вольный, не ограниченный ни научной, ни художественной системой, то я, как ученый и философ всегда придерживался строгой возможности науки и технологии, а потому мои прогнозы все же носят печать правдоподобия, хотя в них не исключены спорные вопросы по существу. Хотя, есть в моих книгах научная авантюра, героика ученых, а вместо с ним утопии, иллюзии. Однозначно, не являюсь сторонником обязательного практического применения результатов фундаментальных исследований, хотя в своей научно-практической деятельности всегда продвигал именно фундаментальную науку.

Должно быть чужда позиция обывателя «Нечего на звезды смотреть, на земле работы много...». Хотя, всегда сомневался в том, нужны ли мои работы? Нужен ли тот большой научный анализ и философский синтез естественнонаучной и гуманитарной фантастики и науки, то самое предвиденье новых человеческих отношений, к которому стремился.

Со временем биография научных идей, гипотез, открытий, новых и сверхновых технологий все больше будет увлекать фантастов и философов. В этом аспекте, судьба научного замысла, их философское осмысление являются важнейшим сюжетным ходом не только научной фантастики, но и контента «НФ-философии». В этом плане, творчество фантастов и философов станут «ближе к жизни» в том смысле, что их герои-ученые раскрываются в своих научных замыслах, в столкновении идей, в своей способности понять общественный и философский смысл научных идей, гипотез, открытий и технологий.

В настоящее время фигура ученого перестал быть чисто фабульным элементом, слились событийная составляющая сюжета с психологической составляющей личности ученого. В этом аспекте, не только в научной фантастике, но и в «НФ-философии», всегда нужно как можно чаще и больше отражать их интеллектуальную лабораторию.

Научно-фантастические романы, вошедших в серию «НФ-философия» объединяют не столько внешние фабульные связи, сколько связи внутренние, проблемно-тематические. В предисловии к каждой книге подчеркивается, что мотивацией книги явились те или иные научные факты и тенденции и все они входят в систему анализа последствий в будущем, что является внутренним основанием практически всех моих книг. По сути, речь идет об единой фабульной пунктурности, когда содержание книг дробится на цепочки

сюжетов, обрабатывая в каждой часть или детали той или иной проблемы.

На мой взгляд, это обусловлено тем, что наука не всегда благоприятствует целостному изображению перспектив проблемы. В этой связи, пользуясь возможностью научной фантастики с одной стороны и философии — с другой, пытался восполнить недостаточную концептуальность содержания. Между тем, это уже новый уровень знания и новый уровень осмысления.

Хотелось бы подчеркнуть, что серии моих научно-фантастических произведений, все же является компромиссным вариантом ассоциативного объединения фрагментов и единой сюжетности приключения научной мысли, а вместе с тем и ученых и научных коллективов, как носителей этих мыслей. Полагаю, что через мою серию книг в океан литературы и философии вливается поток интересных научных идей, а многообразие будет способствовать формированию еще одних элементов «НФ-философии».

В качестве писателя попытался отразить взаимоотношения ученых разных специальностей, разного уровня мышления, разных мотивов и идей. И это на фоне процесса интеграции, включая взаимопроникновение науки и социальной жизни, создает методологическую предпосылку целостной научно-фантастической концепции. В частности, «НФ-философию» Сознания, в которой четко видна двуединность современного знания: во-первых, диалектика дифференци-

ации; во-вторых, диалектика интеграции; в-третьих, углубленное осмысление на уровне философии.

В этом отношении, как мне кажется, удалось в какой-то мере свести в единый замысел «НФ-философии» совершенно разные научно-тематические материалы. Понимаю, что в романах в некоторых местах имеет место перегруженность специальными сведениями и «технологическими» эпизодами, но не отнять в них «фантастику масштабов» — сверхновые технологии и их последствия.

Надо полагать, что научно-фантастическую гипотезу нужно разрабатывать не только на стыке различных наук, но и в русле «реки времени», то есть модернизирует давно ушедшее время либо модернизирует дальний всплеск будущего.

В условиях тотальной биотехнологизации нет более важнее темы для исследований, как биологической, психологической, социальной и философской проблема природы самого человека. Общеизвестно, фантаст, безусловно, должен обладать богатым воображением, уметь строить увлекательную фабулу, проявляя подчас интересную исследовательскую интуицию. Тем более того, когда нынешняя научная фантастика вышла к какому-то новому повороту. Что за ней? Нужно заглянуть в те дали, куда не достигает локатор достоверного научного предвиденья.

Доведение уровня фантазирования до уровня философствования является задачей именно «НФ-философии». В этой связи, ученому и писателю следует уделять почти рав-

ное внимание на реалистическую обрисовку личности ученого на фоне некоторого схематизма фантастических положений, будничности обыденного и необычность неведомого, а также бытового и научного слога. Каждая научно-фантастическая история лишь частично перерастает в биографию научного подвига ученых, раскрываются не только судьбы разных типов ученых, но и судьба самой науки, прежде всего.

Как известно, в научной фантастике важно свобода фантастического воображения. Если в «Солярисе» С. Лема океан чужой планеты являет собой ее гигантский мозг, в котором прорисовывается «жуткая доброта», то в моем романе (Ашимов И.А). «Аватар», «мозг в контейнере», то есть аватар (виртуализированная личность) пытается переподчинить себе искусственный интеллект, высказывая операторам версию последствий его бунта. Во всяком случае такая завязка в сюжете представляет собой тонкую ускользающую грань между неодушевленной материей и человеческим сознанием. В этом аспекте, ученый выступает все же не в качестве доктринера-моралиста, а как ученый, знающий проблему изнутри и как философ, смотрящий на проблему извне.

Всегда нужно противостоять догматизации «теории совершенствования человеческого рода», считая, что надо отходить от пути «упрощения» реальной человеческой индивидуальности в пользу научного конструирования новых человеческих типов, перестройки биологической природы че-

ловека. Всегда интересны вопросы: как будет меняться психика человека под влиянием той или иной технологии? Как далеко человек пойдет в конструировании самого себя? Сумеет ли он отстоять свою человечность?

Именно эти вопросы и проблемы глубокого философского значения являются предметом отражения во многих произведениях, которые, по сути, представляют не что иное, как форму художественно организованных философских диалогов ученых. Нужно признать, что с их помощью идет своеобразная ломка обычных понятий и критериев суждения, сближая обыденное мышление людей с научным мышлением ученых.

Именно наука и технология гармонично работают в «одной упряжке» в рамках научной фантастики, где они исполняют функции источников фантастических феноменов. В настоящее время огромное значение приобретают виртуальные фантастические феномены, то есть явления, необычность и противоестественность которых объясняется тем, что они являются сновидениями, компьютерной виртуальностью. Они действительно могут составить занимательные сюжеты.

Таким образом, все фантастические факты, события, явления, случающиеся в Глубине, относятся к виртуальным фантастическим феноменам. Но само существование Глубины является уже техническим феноменом. Использование в фантастике виртуальных феноменов представляет собой как

бы двойное манипулирование способностью к фантазии. С одной стороны, сны, видения с точки зрения психологии являются результатом работы воображения. С другой стороны, сама фантастика есть результат воображения, в которой воплощаются образы, якобы порожденные воображаемой работой воображения.

Именно таково в романе Ашимова И. А. «Аватар». В нем аватар доволен тем двойственным состоянием, в которое он попал, считая, что такая двойственность является вершиной духовного совершенствования человека. Первым шагом такого совершенствования становится способность души отделяться от живущего в материальном мире тела и постигать миры в Абсолюте, достигнув духовного пробуждения, обретя способности жить одновременно во многих временных параметрах виртуального мира — прошлом, настоящем, будущем.

Ситуация в романа «Аватар» заключается в том, что аватар переживает одновременно две разных реальности — прошлое и настоящее. И вот два мира совмещаются, переплетаются, и люди одновременно ощущают свое нахождение и в том, и в этом мире. В месте их встречи возникают яркие художественные эффекты — одна картина мира накладывается на другую. Мысль аватара все время придумывает вторую реальность, стоящую за кулисами повседневной действительности. Конечно, данный роман не столь однозначен, но эта неоднозначность происходит, главным образом, отто-

го, что я попытался изобразить в одном сочинении две виртуальной реальности, а их взаимодействие между собой — это уже отдельная тема.

Фантастичность заключается в том, что аватар переходят из одного сна в другой с той же легкостью, с какой в Интернете можно переходить с одного сайта на другой. Хотя, у меня всегда сохранялась сомнение в том, все ли логично, не оборваны ли сюжетные линии.

Представляю себе читателя, оставшегося в недоумении «что автор хотел сказать?». В этой связи, хотелось бы подчеркнуть, что эпоха виртуальных технологий еще впереди, мы сами, как и наши персонажи только-только входим в мир кажимостей и только-только начинаем знакомиться с чудесными возможностями виртуальной реальности, порождаемой искусственным интеллектом. Романы (Ашимов И.А). «Биокомпьютер», «Аватар» представляют собой по большей части ознакомительную экскурсию в новые миры, выполняя научно-популяризаторскую функцию.

Станислав Лем в книге «Сумма технологии» предсказал «фантаматику» — некую симуляционную технику, которая в будущем станет обеспечивать абсолютную иллюзию присутствия в виртуальных мирах. В романе «Аватар» такую возможность представляет нейробиокомплекс — модуль «F-Ash-53». Возможность такой техники, разумеется, заставляет задуматься над вопросом, в какой степени достижения в рамках виртуальной реальности будут обладать той же цен-

ностью, что и успехи в повседневной жизни. Оператор данного модуля виртуальной реальности — есть не что иное, как «оператор условной материализации», что придает ему сходство со сложным научно-технологическим процессом кибернетического уровня, так как речь идет о создании интерфейса искусственного интеллекта и «мозга в контейнере».

Между тем, это процесс многолетней, последовательной, поэтапной, слаженной работы целой научной компании («ADI-ARS»). Об этом свидетельствуют многочисленные научные диалоги ученых на многочисленных научных формах высокого класса. Разумеется, такие вымышленные модули, как «F-Ash-53» (роман «Аватар»), нейрокомпьютерный конвергент (роман «Биокомпьютер»), роботохирургический агрегат (роман «Фиаско»), чип-гомеорегулятор (роман «Биовзлом»), патогентический сканер (роман «Клон дервиша»), на самом деле не могут работать, согласно описанной схемы устройства, но сделано фантастическое допущение о том, что эти модули действуют вопреки логики, составляя в сути тот самый фантастический парадокс.

Объяснение «неправильного» с точки зрения логики, вымышленных модулей, не иметь большого значения, то описание их в какой-то степени упрощено или даже вовсе опущено. В этом аспекте, многие фантасты считают лишним подробное техническое описание своих изобретений, так как они оказываются ничем иным, как красиво раскрашенным

и ярко упакованным Ничто. Это обстоятельство и привело к постепенному исчезновению подробных технических описаний из текстов НФ-произведений. В этой связи, фантастические модули являются просто антуражем.

Сегодня неполноценность успеха, достигнутого геймером с помощью компьютерного симулятора, можно объяснить тем, что информационный поток подлинной жизни гораздо мощнее компьютерно-игрового: жизнь длится последовательно изо дня в день многие годы, она давит сразу на все органы чувств, она связана с подлинным риском, она обеспечивает «эффект присутствия». Но если симуляторы достигнут столь высокого уровня совершенства, как в романе интерфейс искусственного интеллекта плюс «мозга в контейнере», то обнажится важнейший вопрос будущего человеческой цивилизации.

Если фантастическое, к примеру виртуализированная личность (роман «Аватар») помещается в виртуальный мир прошлого, может ли жить и работать эта личность, может ли он противодействовать давлению искусственного интеллекта — это сверхпроблема, которую надо как-то нашей цивилизации решить. Если фантасты лишь обязаны ставить проблемы такого порядка, то ученые, философы, совместно с ними, обязаны предложить хотя бы версию решения этой сверхпроблемы. В итоге статус фантастического вымысла умножается на статус научной и философской концепции. Именно такую «манипуляцию» я использовал при написа-

нии научно-фантастических романов, а также итоговых уже философских обобщений в настоящей книге «НФ-философия».

Психолог Реваз Натадзе пишет о том, что в некоторых случаях воображаемая ситуация, о которой человек знает, что она не настоящая, способна стимулировать человеческое поведение даже лучше, чем ситуация реальная. В романах «Биокомпьютер», «Аватар» отражает идею о том, что техническое совершенство компьютерных симуляторов не должно иметь решающего значения. В частности, человек с радостью узнает, что кроме навязанной ему реальности есть еще и иные варианты бытия, и их можно беспрепятственно мыслить, хотя и не настаивая на равенстве онтологических статусов. Он с радостью также узнает, что компьютерная технологий протезирует его мозг и осмысливает появление нового, более высокого уровня Сознания. Но не более (!). Дальше нужен объявить хотя бы временный табу. Михаил Эпштейн писал: «Возможное есть особый модус „можеествования“, который выводит нас за пределы реальности». Это напрямую касается компьютерного протезирования интеллекта (роман «Биокомпьютер») и биовласти нового Сознания на основе интерфейса мозга и искусственного интеллекта (романы «Биозвлом», «Аватар»).

Фантастические виртуальные миры — это альтернативные миры. Осмысление того, что человек может «присутствовать», то есть жить и действовать в несуществующей

реальности, причем именно в статусе несуществующего — это парадоксальная ситуация и, по сути, является предметом «анализ-синтеза» НФ-философии. Для того, чтобы человеческое мышление почувствовало себя посреди скрещивания альтернатив, оно, прежде всего, должно выиграть битву за разнообразие образов мира — и ради такой победы оно первоначально готово пожертвовать битвой за статусы.

Именно такая борьба происходит в сюжете романов «Аватар» и «Биокомпьютер». Герои этих произведений показывают на своем примере, что излишне трезвый, отрицающий всякие вымыслы рассудок внушает уныние, тогда как люди с богатым воображением на примере своей жизни и деятельности отрицают гегельянский принцип тождества существования и мыслимости: «Все, что не существует — нельзя и помыслить». Жюль Верн писал: «Все, что человек способен представить в воображении, другие сумеют претворить в жизнь».

Михаил Эпштейн писал: «Сама мыслимость предмета уже включает некое условие его возможности, поскольку, по определению Лейбница, возможное — это то, что не содержит противоречивого, то есть $A = \text{не-}A$, а основной закон мышления как раз и требует избегать такого противоречия». «Желаемое — мыслимо и, следовательно, возможно», — таков девиз фантастов. Такой онтологический принцип особенно характерно для так называемой технико-технологической фантастики, чья задача в основном сводится к демон-

страции возможных будущих достижений техники и технологий.

В этом процессе огромная роль принадлежит человеческим желаниям, которые являются ничем иным, как локомотивом мирового прогресса. Причем, желания всегда обгоняют возможность технико-технологической сферы. Ханна Арендт пишет: «Наука лишь воплощает в жизнь человеческие мечты и фантазии». Именно мечты, грезы и желания позволяют человеку встретиться с фантастическим миром и эта встреча само по себе ставит вопрос о том, возможно ли их исполнение в реальной действительности. В этом аспекте, реализуемость/нереализуемость человеческих желаний есть фундаментальная антиномия фантастики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.